Круглый стол «возможности регулирования НЕФОРМАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ»

Избранные части дискуссии

Ведущий:
ВОРОНКОВ Виктор Михайлович, директор Центра независимых социологических исследований, СПб. **Участники круглого стола:**

РАДАЕВ Вадим Валерьевич - проректор Государственного университета - Высшей школы экономики, Москва.

ТАМАШ Пал - директор Института социологии Венгерской академии наук, Будапешт.

ТОВ Рудольф Борисович - исполнительный директор фонда «Петербург 2015», Санкт-Петербург.

ВЕЙХЕР Андрей Алексеевич - начальник аналитического отдела Законодательного собрания Петербурга, Санкт-Петербург. ДАУГАВЕТ Дмитрий Игоревич - директор Центра исследования рыночной среды, Санкт-Петербург.

Темы для обсуждения:

Необходимо ли регулировать неформальную экономику? Возможно ли равноправное партнерство бизнеса и власти? Неформальная экономика после трансформации: изменения и перспективы.

Виктор ВОРОНКОВ: Вопросы, которые мы хотели обсудить, тесно друг с другом связаны, и в процессе нашего семинара уже возникали дискуссии, вызванные тем, что некоторым явлениям давались совершенно противоположные оценки. Растет ли неформальная экономика или, наоборот, есть тенденция к легализации бизнеса? Связано это с отдельными секторами или с отдельными странами? Или, может быть, это связано с несовершенством наших исследова-

ний? Их вообще достаточно мало, чтобы сделать уверенные выводы о том, можно ли измерять неформальную экономику. И что должно делать с ней государство? Мне казалось, что по умолчанию здесь была некоторая установка, что государство должно препятствовать, бороться с неформальной экономикой, хотя, конечно, в ней есть много полезного. Один из важнейших вопросов - возможно ли равноправное сотрудничество государства и бизнеса? Поскольку гражданское общество представляет собой такой механизм, в котором все три участника договора - государство, бизнес и ассоциации гражданского сектора - должны договариваться о «правилах игры», то, предположительно, участники такого договора должны быть равноправными. Здесь есть разные мнения о том, государство душит бизнес или бизнес душит государство. Я, например, предполагаю, что у бизнеса есть огромные шансы против государства, поскольку, если углубиться именно в неформальную экономику, то видно, что часто бизнес диктует государству законы, по которому государство душит бизнес. Это касается и покупки депутатов, и навязывания неформальных схем общения с государством и т.д. Вот все эти вопросы мы и обсудим на нашем круглом столе.

Рудольф ТОВ: Я директор фонда, который называется «Санкт-Петербургский общественный фонд содействия гражданским инициативам Петербург 2015». Возникновение этого клуба связано с попыткой в момент кризиса прогнозировать дальнейшие события в России па среднесрочную перспективу, т.е. на 15-17 лет. «Клуб 2015» возник в Москве в 1999 г. В Петербурге он появился годом позже, инициатором его создания стал Григорий Томчин, который принимал участие в московском проекте, и Андрей Лихачев, который является Президентом фонда. Всего в этом фонде 30 учредителей, и это в основном верхний и средний петербургский бизнес. Как правило, это люди, которые имеют интерес к происходящему за рамками их бизнеса, который тесно «завязан» на Санкт-Петербург. Это несколько риэлтерских фирм, несколько строительных фирм, несколько промышленных предприятий. Тема неформальной экономики неоднократно обсуждалась и в Московском клубе «2015», и здесь в Петербурге, на наших семинарах. Нас интересовали, конечно, масштабы этого явления, о котором члены клуба как действующие бизнесмены знают не понаслышке. По данным

И.И. Елисеевой, заведующей кафедрой статистики Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, порядка 40 % экономической активности в Петербурге происходит в теневом секторе. По материалам, представленным известным по многим публикациям о коррупции Г.А. Сатаровым, в России действуют около полумиллиона фирм, через которые обналичивают деньги. Из-за использования «черного нала» бюджет ежегодно недополучает почти треть налоговых поступлений, это больше 10 млрд руб. Я не буду говорить о технике того, как это все происходит. Для того чтобы выплатить зарплату официально, нужно заплатить порядка 50 % налогов, тогда как обналичивание стоит всего 5-7 %. Эти цифры, наверное, известны большинству присутствующих. В стране действует целая отрасль фирм-однодневок, около 150 тыс. таких фирм оперируют в Москве.

Возникает вопрос: почему государство не предпринимает решительных действий для того, чтобы эту сферу сократить? По всей видимости, тут несколько причин. Одна из них состоит в том, что это очень сложная задача для налоговых инспекций, и они в целом не мотивированы ее решать. Кроме того, она должна решаться во всех регионах одновременно: если в одном из регионов режим ужесточается, то, соответственно, бизнес просто уходит в другие регионы, которые становятся своеобразными «внутренними» оффшорными зонами. Третья причина связана с тем, что региональным властям на самом деле такая ситуация выгодна. Тот факт, что практически каждая фирма является в той или иной степени нарушителем закона, позволяет местным властям контролировать ситуацию, когда любую фирму можно привлечь к ответственности за нарушение в налоговой сфере. Еще одна причина заключается в том, что неучтенные деньги широко используются в политике, и если действительно серьезным образом преследовать фирмы, через которые производится обналичивание, то можно выйти на персоналии достаточно высокого уровня, а руководители налоговых органов не заинтересованы в том, чтобы вступать в конфликт с представителями большой политики.

Андрей ВЕЙХЕР: Я хотел оттолкнуться от того вопроса, который был поставлен в самок, начале - о возможности измерения неформальной экономики. В том, что говорил господин Тов, есть некото-

рые удивительные для меня цифры, но спорить о них бесполезно, если мы прежде не определимся, зачем нам нужны эти данные. Я думаю, что сейчас главная черта нашего общества как раз в том, что у подавляющей его части нет никаких серьезных побудительных причин к тому, чтобы теневая сфера сокращалась. Поэтому кроме академических кругов и некоторых политиков, которым для текущих политических дел нужны подобного рода оценки, подробное исследование неформальной экономики вообще-то никому и не нужно.

Особенность возникновения нашей рыночной экономики состояла в том, что подавляющее большинство людей, сформировавших базис бизнеса, выросли из советских руководителей. В первой половине 1990-х гг. к нам обратились немецкие коллеги, чтобы прикинуть, из кого сформировался наш бизнес-класс. Правда, их интересовал специфический аспект - насколько наш оборонный комплекс сформировал бизнес-класс. Действительно, получалось, что около 60 % руководителей, преимущественно первых лиц нашего малого и среднего бизнеса, - выходцы из оборонной промышленности, причем только 10-12 % из них были люди, которые раньше не занимали руководящих постов. Как правило, это руководители среднего уровня: начальники цехов, отделов, которые свой бизнес во многом строили на использовании своего двойственного положения - «еще» государственного работника и «уже» частного предпринимателя. Отсюда, наверное, следует одна из особенностей становления этого серого сегмента: он почти всегда возникал на грани государственной экономики, которая частично находилась в сфере возможных контактов того лица, который организовывал свой бизнес. Это, по-моему, главная причина, которая снижает заинтересованность в исследованиях данного феномена.

Для радикальных изменений ситуации локального масштаба бывает достаточно воли авторитарного руководителя. На днях мне рассказал коллега из небольшой кавказской республики, как ректор тамошнего университета перед началом этого учебного года запретил коррупцию на вступительных экзаменах! Свое требование он обосновал тем, что в маленькой, закрытой для приезжих республики надо иметь свои худо-бедно обученные кадры. Посему интересы нации как целого (надо думать, что он не единолично принял такое решение, а посоветовался со «старшими товарищами») требуют

привлечения на учебу тех, кто действительно может приобрести квалификацию. В контроле вступительных работ ректор сам принимал участие, а его готовность выгнать с работы любого, кого заподозрят в нарушении приказа (в возможности такого никто не усомнился), сделала свое дело - приема за взятки не стало. Схожую ситуацию я наблюдал в Иркутске. А ведь, по данным Сатарова, высшая школа - одна из отраслей с наибольшим объемом взяток.

Но в балансе удобств и неприятностей, которые приносит для большинства жителей страны распространенность неформальных способов принятия решений, пока не сформировался устойчивый перевес неприятностей. Соответственно, нет и потребности в оценках масштабов и структуры этой области общественных отношений. И вот на этом фоне низкой заинтересованности появляется сильный импульс внешнего мира, иностранных инвесторов, которые для принятия решений нуждаются в подобных оценках. Я могу судить об этом по конференции, которую проводил университет экономики и финансов, где прозвучали претензии западных инвесторов к российской статистике. Было прямо сказано, что при наших отношениях с международными фондами, при заявках на международные кредиты, российская статистика в 2 раза занижает объемы производства и потребления. Этот внешний импульс довольно серьезный, и он может оказать стимулирующее влияние на изучение масштабов этого явления.

Есть также слабые импульсы изнутри. Могу рассказать, например, об исследовательской работе, связанной с «теневой» экономикой, которая делалась по заказу нашего Комитета финансов. Комитет финансов интересует совсем другая проблема: дайте нам оценку, сколько наш бюджет сможет получить, если мы на какой-то процент потесним ту или иную экономику. Но это импульс все-таки слабый, я как эксперт Законодательного собрания не вижу серьезной заинтересованности, поскольку она не доходит до принятия законов. Реализуются отдельные механизмы, например, заметное влияние оказывает новый способ начисления пенсии. Как только человек переваливает за определенный возраст и начинает думать о пенсии, ему становится крайне неудобно, что он получает зарплату «черным налом», он начинает считать, и получается, что пенсия его будет ничтожной. По имеющимся у меня первым прикидкам, сегодня уже 30 % работающих в городе понимают, что та-

кое социальный пакет, куда входит не только зарплата, а еще совсем недавно это хорошо понимали лишь несколько процентов. Вот на такие побудительные стимулы массового неудобства «серых» отношений может быть основная надежда. Способствовать развитию их объективной основы и их субъективному осознанию все большей частью граждан - дело тех, кому уже сейчас «теневая», «серая» экономика приносит неприятности.

Дмитрий ДАУГАВЕТ. Если мы хотим понять неформальную экономику, ее механизм, объем и так далее, то нужно прежде всего осмыслить отправную точку самого этого понятия, т.е. объяснить себе, что такое формальная экономика, какова природа и функции тех формальных институтов, которые отображают механизмы экономической жизни и официально учитывают объемы экономической деятельности. Существует, как мне кажется, некоторая преемственность с советской экономической и политической системой в том, что и в сегодняшнем обществе, как об этом уже упоминалось, неформальная экономика является элементом механизма власти, механизма контроля. Более того, сохраняется интересный феномен «двоемыслия», только если раньше на стороне официального, формального были какие-то идеологические стереотипы, выполнение плана, то теперь это гражданский кодекс, налоговый кодекс. Я бы отметил еще некие абстрактные, либеральные экономические принципы, которые закладываются идеологически в основу реформ и которым как бы надо следовать, точнее - отчитываться о следовании этим принципам. Привычка к «двоемыслию» создает социально-культурные ограничения процессам легализации.

В последние годы наблюдаю два процесса, связанные с развитием неформальной экономики. Первый процесс - и об этом тоже уже шла речь в докладе о Болгарии - состоит в том, что происходит все большее привыкание общества к коррупции, к неформальным теневым практикам. Идет процесс рутинизации некоторых теневых практик, их вхождение в привычку. Я хочу сделать две маленьких иллюстрации этому процессу. Мне попал в руки документ, касающийся обналичивания средств, в котором объясняется, что в связи с некоторыми новыми указаниями ЦБ нужно немножко по-другому оформлять бумаги. Документ содержит текст следующего содержания: «Платежи, которые вы отправляете на «наши» фирмы, должны

быть оформлены так-то и так-то..., то-то должно быть, то-то не должно быть». Т.е., как только вышло некое письмо Центрального банка, немедленно появляется такое вот «противоядие», разъясняющее, что теперь надо учитывать, оформляя эти операции. Называется документ «Памятка клиенту», а в конце приписка - «спасибо за понимание». Другая интересная иллюстрация - письмо, присланное по электронной почте от абсолютно незнакомых людей: «Обналичка в Москве, безнал-нал - 1.5-2 %, нал-безнал -0,5 %, безнал-безнал - 0,5 %». Адрес - obnal@ и так далее. Интересный феномен, кстати, и то, что, в советские годы, например, о теневых практиках молчали, а вот сейчас об этом открыто защищают докторские диссертации. Т.е. действительно есть какая-то общая тенденция к легитимации теневой экономики, о которой говорил господин Радаев.

Другой процесс, который я наблюдаю и который, может быть, находится в некотором противоречии с первым, связан с усложнением теневых практик, потому что со стороны формальных институтов идет все время какой-то «накат» на эти практики. Нельзя сказать, насколько он серьезен, не будем в это вдаваться, но он идет. Вот эта «Памятка клиенту» - пример усложнения и адаптации неформальной процедуры. Еще один пример, всем известный, касается распределения государственных заказов. Если в конце 1990-х гг. можно было спокойно в городской бюджет Санкт-Петербурга вписать строчку о том, что такой-то фирме на выполнение таких-то работ выделяется такая-то сумма, то сейчас это невозможно. Теперь для того, чтобы эта фирма в конце концов оказалась исполнителем работ, надо или выиграть конкурс, или доказывать, что это единственный источник. И хотя ясно, что выиграет именно та фирма, которая надо, но всю эту громоздкую процедуру конкурса надо проходить. Это усложнение и удорожание теневых практик склоняет в сторону использования легальных практик.

Мне кажется, что если бы эти процессы происходили быстро, то это вело бы к новой модели экономики, уже без двойственности, но очень корпоративной и очень монополистической. Возможно, как говорил господин Радаев, какие-то «белые» фирмы хотят, чтобы «черных» не было, при этом они очень тесно смыкаются, договариваются с государством, и тут уже не бизнес душит государство, и не государство душит теневую экономику, а возникают какие-то очень

тесные объятия, т.е. выстраивается некая корпоративная модель. Но я думаю, что такого будущего скорее всего нет, потому что эти процессы идут очень медленно и нынешняя ситуация будет сохраняться довольно долго, а потом возникнут какие-то совершенно неизвестные нам пока факторы, которые всю эту картину изменят.

Пал ТАМАШ: Думаю, что вопросы регулирования теневой экономики тесно связаны с поведением элит, причем совместным поведением политических и экономических элит. Ситуацию, в которой мы живем, я назвал бы политическим капитализмом. Это значит, что политические и экономические элиты действуют как сиамские близнецы, и поэтому, говоря о том, кто от кого зависит, надо иметь в виду, что они неразделимы. Ситуация, конечно, чуть более фрагментарна, создаются временные союзы между некоторыми политическими и деловыми элитными группами, которые объединяются вокруг каких-то символов, чтобы победить других политических и экономических игроков. И хотя они обвиняют друг друга в «черном» бизнесе, все это происходит скорее на уровне символических стычек, а не глубинных процессов. Я хотел бы подчеркнуть в связи с этим, что малый и средний бизнес в играх на данном уровне серьезного участия не принимает. Все усложняется тем, что в странах Центральной Европы появляется международный бизнес, который, кстати, так же неоднороден, как и местный бизнес. Из исследований инноваций, которые мы провели, совершенно ясно, что нет какого-то гомогенного западного бизнеса, есть бизнес IBM, есть бизнес NOKIA, есть бизнес ERIKSON, есть совершенно разные деловые даже не культуры, а цивилизации в отдельных крупных муль-тинациональных фирмах с разным отношением к неформальности. Следующий момент: кто же заинтересован в переориентировании отношения госуправления к неформальному бизнесу. Минфин - «голодное министерство», которое всегда хочет получить больше, и поэтому во всех странах, начиная от Патагонии и до Ирландии, министерства финансов борются за строгость, налоги и так далее. Но Минфин - лишь одна группа в этой игре, а есть и другие политические группы, которые стремятся к хорошим отношениям с населением, национальной буржуазией и т.д. Второй фактор, который здесь важен - чувствительность населения. Если население воспринимает существующий режим как коррумпированный и есть

политические силы, которые могут использовать этот фактор в своей игре, то конструируется соответствующая политическая повестка дня. Было бы чрезвычайно интересно посмотреть, какие есть в наших странах сходные моменты в манипуляциях с понятиями «коррупция», «чистый - нечистый» бизнес и т.д. Получается, что есть какие-то реальные коррупционные процессы, и есть, извините, политическая болтовня и разные политические игры вокруг этих процессов. Я бы выдвинул следующую гипотезу: эти две сферы -сфера символических игр вокруг коррумпированности и сфера реальных процессов - в настоящее время почти во всех постсоциалистических странах не сближаются, а расходятся. Поэтому мы должны договориться между собой о том, что мы обсуждаем: будем ли мы говорить о сфере политических дискуссий (это чрезвычайно интересная область) или мы говорим о реальных процессах.

Под влиянием международного бизнеса формируется очень сложная матрица международного делового влияния, которая накладывается на не менее сложную матрицу «сиамских близнецов», поэтому однозначного прогноза дальнейшего развития событий быть не может. Можно говорить лишь о некоторых вероятных сценариях. Первый я называю сценарием дальнейшей фрагментации. То, что мы называем неформальной экономикой, распадается на огромное количество не связанных друг с другом деловых и межличностных практик, и все эти практики начинают развиваться по своим собственным механизмам. Второй сценарий -это продолжение интенсивных конфликтов между деловыми элитами, так что отношение к неформальной экономике будет подвергаться изменениям под влиянием политических циклов, в зависимости от того, кто является рулевым. Третий сценарий связан с процессами глобализации, которая ущемляет права местных элит, наступает на их возможности. Для национальной буржуазии в этой ситуации нужен очень крепкий союз с политикой. Поэтому третий сценарий состоит в «капитуляции» локальных элит перед глобализацией и возобновлении, если хотите, «сиамского контракта».

Вадим РАДАЕВ: Я начну с третьего вопроса, в котором спрашивается, чем отличается «посттрансформационная» неформальная экономика от «дотрансформационной». В одном из выпусков журнала «Pro et contra» несколько лет назад была опубликована моя

статья, посвященная этому вопросу. Если мы сегодня начнем рассуждать в терминах уголовного кодекса начала 1970-х гг., то фактически вся наша экономика окажется криминальной. Очень сильно сдвинулась правовая рамка, и то, что мы сегодня трактуем как теневую экономику - это совсем другая экономика, нежели та, что была раньше. Но это не единственное изменение. Ядром теневой экономики в советское время было уворовывание у государства или фактическая приватизация государственных ресурсов. Сегодня ядром теневой экономики является плановая недосдача государству того, что ему принадлежит в форме налогов. Это основание, стержень новой теневой экономики.

Мотором советской теневой экономики, несомненно, был дефицит. Теневая экономика давала нам то, чего не было в экономике формальной. Сегодня ситуация совсем другая. Неформалы предоставляют нам буквально тот же самый продукт, который есть в формальной экономике, только этот продукт дешевле и, как правило, худшего качества. В советское время продукт неформальной теневой экономики был дороже: цена включала некую плату за доступ к дефицитному ресурсу. Символический пример: в советское время частный извозчик стоил нам дороже, чем такси, а сегодня такси стоит значительно дороже. В советской теневой экономике концентрировались в основном более квалифицированные рабочие силы из первичных сегментов рынка труда. Сегодня, хотя не исключительно, но чем дальше, тем больше, в теневой экономике концентрируются и будут концентрироваться места вторичных рынков труда, менее квалифицированные, хуже оплачиваемые и так далее. И последнее отличие, одно из самых замечательных, на мой взгляд, заключается в том, что в советское время теневая экономика всячески порицалась, причем как властями, так и населением. В докладах упоминалось о том, что спекулянты воспринимались как враги народа, само население спекулянтов совершенно искренне не любило. К настоящему времени произошла не просто рутинизация этих процессов, но фактически полное оправдание, легитимация неформальной экономики в глазах общественного мнения и отчасти в публичной дискуссии.

Теперь вернемся к первому вопросу: а надо ли ее регулировать? Этот вопрос для меня является самым интересным. Мне кажется, что предпосылки, из которых мы исходим в рассуждениях по этому

поводу, не совсем верны. Мы исходим из того, что государство устанавливает некие формальные правила, но делает это не вполне эффективно, поэтому возникают правовые «пустоты» и участники рынка становятся активными творцами неформального. Мне кажется, существенное обстоятельство состоит в том, что государство на самом деле не только активно поддерживает, но напрямую формирует правила и рамки неформальной экономики. Подчеркиваю, неформальная экономика возникает не как побочный продукт действий государства, но государство напрямую диктует её условия пример таможенной практики. Что формально должны делать таможенники? Они должны осуществлять общий тотальный досмотр, определять таможенную стоимость по каждому виду товара и взимать таможенные платежи и НДС. Ни первое, ни второе, ни третье выполнить невозможно. Таможенники технически не могут осуществлять тотальный досмотр. Есть большие затруднения с определением правильности кодов, потому что все не урегулировано. Наконец, они и не могут взимать 100 % таможенных платежей, потому что в этом случае весь процесс сразу остановится, возникнут «закупорки» вплоть до частичного дефицита в магазинах. Что в этих условиях делает государство? Поскольку оно не в состоянии поддерживать им же утвержденные формальные правила, оно начинает заимствовать правила теневой экономики, и не просто их заимствовать, а активно утверждать, и делает это весьма эффективно и надежно. Например, утверждается фиксированная плата за машину. Что она означает? Она означает нарушение, вообще говоря, законодательных норм. И прокуратура уже обращала на это внимание, и пыталась это дело прикрыть. Однако оно опять возникает и оформляется уже в качестве эксперимента. По соглашению с бизнес ассоциациями достигается компромисс: вы обеспечиваете нам выполнение плана по таможенным сборам, а мы смотрим «вполглаза», что вы там везете. Это абсолютно устраивает обе стороны. Трудно сказать, в какой степени эта часть теневой экономики уже отрегулирована, но есть очень квалифицированные люди, которые утверждают, что все отрегулировано вплоть до каждой машины. Есть набор силовых структур, между которыми все грамотно поделено, есть условные квоты, которые время от-времени могут меняться. Если у тебя нет прикрытия или связей, то просто так денег никто не возьмет. А цена вопроса примерно следующая:

за каждую фуру цена в прежние годы была 3 тыс. у.е. с машины, хороший терминал за месяц пропускает 500 машин. За год получается сумма с большим количеством нулей. Т.е., в теневой экономике все уже отрегулировано, мы опоздали с этим вопросом.

Последнее: возможно ли равенство бизнеса и государства? Самый короткий, четкий, оптимистичный ответ: этого нет, не было и никогда не будет. Государство диктует правила, государство меняет их по-прежнему в одностороннем порядке. Действия государства и утверждаемые им правила не прозрачны, и государственные органы могут задавить, в принципе, любого и почти в любой момент. Отношения бизнеса и власти перешли на следующую ступень, которая формулируется в короткой фразе: нас начали слушать. Это не означает, что люди допущены к процессу принятия решений, но раньше и этого не было. Это оценивается как некий позитивный сдвиг.

ВОПРОСЫ, КОММЕНТАРИИ, РЕПЛИКИ

Павел РОМАНОВ: Мне хотелось бы обратить внимание на то, что все выступления здесь в первую очередь касались крупного бизнеса. Теневой сектор, теневая экономика включает еще и мелких экономических агентов. Мне кажется, что эти аспекты остались в стороне, хотя на мой взгляд, они представляются важными. Безусловно, государство обращает внимание на крупных игроков, они влиятельны, они образуют коалиции, способны вступать в диалоги, хотят быть услышанными. Мелкие игроки теневого рынка весьма дезинтегрированы, менее защищены, и им сложно отстаивать свои интересы. Есть институты гражданского общества, но они, как вы сами знаете, плохо работают. Для государства, безусловно, проще устроить налет на рынки, отнять товар, загнать всех в фуры и продемонстрировать таким образом, что государство работает с теневым сектором. Возможно, говоря о регуляции, нужно иметь в виду прежде всего крупных экономических агентов, а людей, которые борются за выживание самыми разными способами, оставить на какое-то время дерегулированными, или, во всяком случае, сделать политику по отношению к мелким теневым игрокам более гибкой. Подобного рода неформальные практики многообразны, они «про-

скальзывают сквозь пальцы». Их сегодня уничтожили в одном месте, а завтра они в другом месте выскочат в других формах. Но попытки их задавить, поставить под жесткий контроль кажутся утопией и политической игрой в большей степени, чем попытками регуляции.

Александр ХОДАЧЕК: Я хотел бы прокомментировать выступление А.А. Вейхера. Мне кажется, что государство давно знает и о масштабах теневой экономики, и о тех условиях, в которых она развивается, и о том уровне дохода, который она дает. Просто одни делают вид, что ее нет, а другие просто работают. Масштабы теневой экономики уже учитываются сегодня регулирующими органами при установлении налогов. Была такая практика, например, в нижегородской области, когда был введен налог на вмененный доход, и некоторым муниципальным образованием в качестве эксперимента разрешалось договариваться с малыми предпринимателями, сколько они будут платить. Собирали предпринимателей, говорили что надо платить столько-то. - Нет, много. - А сколько вы можете. - Столько-то. И ведь платили! Поэтому мне кажется, что хотя абсолютной легализации никогда не будет по, поскольку эти практики становятся рутинными, рутина постепенно перейдет в полулегальную сферу, а потом, наверное, станет легальной.

Леонид БЛЯХЕР: Мне представляется продукт,,,, м промести терминологическое разграничение. Термин «неформальная экономика» на мой взгляд, феерически неудачен. Есть неформальная экономика, которую изучает центр крестьяноведения Теодора Шанина, т.е. экономика выживания, и есть правила бизнеса, совершенно институцианализированные, совершенно нормально работающие, „о отличающиеся от законодательно закрепленных. В связи с этим возникают вопросы: зачем их законодательно закреплять, и наступит ли тот счастливый (или несчастливый) момент, когда реально существующие правила будут законодательно оформлены? Думаю, что не наступит?

Илья ШТЕЙНБЕРГ: Почему возникает вообще проблема регулирования? Потому что не существует какой-то одной, общей неформальной экономики. Мы занимаемся, предположим, неформальной

экономикой в сельском секторе. Попытки регулирования, например, личных подсобных хозяйств всегда приводили только к одному - росту социальной напряженности. Но когда уровень развития неформальной экономики переходит какую-то незримую границу, поднимается вопрос о ее регулировании. Например, возьмем эти контейнерные, я не знаю, как правильно их назвать, блошиные рынки. Раньше вопрос об их регулировании особо не вставал, потому что было понятно, что, если мы сейчас туда вмешаемся и это исчезнет, у населения появится очень много проблем, которые придется решать. Но сейчас, видимо, преодолен некоторый барьер -экономический, социальный или, может быть, психологический, когда уже надо вмешиваться в эти неформальные рыночные отношения.

Ирина КОЗИНА: Я хотела бы задать уважаемым экспертам наивный вопрос, который я уже поднимала сегодня: в чем социальная проблема неформальной экономики, и почему это обсуждают социологи? Я абсолютно согласна с Вадимом Радаевым, что сейчас основным содержанием неформальной экономики является неуплата налогов. Это проблема налоговой инспекции, это проблема государства. Пока что я для себя уяснила только одну собственно социальную проблему, которая будет обостряться с каждым годом: это проблема начисления пенсий людям, которые работают сейчас в неформальном секторе.

Дмитрий ДАУГАВЕТ: Я вижу такую социальную проблему - существует определенный невроз в обществе от этой двойственности, который, в общем, мешает нормальной активности и жизнедеятельности. Тут можно па какие-то психологические категории переходить, но это очень застарелый невроз, который у нас когда-то в детстве образовался и продолжался все долгие десятилетия советской власти. Но если абстрактно предположить избавление от этой двойственности, то я как директор не просыпался бы тогда по ночам. И пожалуй, миллионы людей тогда лучше спали бы, эффективнее работали. Другое дело, что можно как-то привыкнуть, приспособиться, чтобы не нервировало, но проблема есть, мне кажется, глубинная, социально-психологическая. Это только один аспект, который просто в голову пришел.

Пал ТАМАШ: Я тоже хотел бы небольшой аспект выделить. У многих людей осталась глубокая неудовлетворенность социальными преобразованиями. В конце концов, получилось так, что новое общество, которое было построено после десятилетия всех страданий, в глазах очень многих не более, а даже менее справедливо, чем то, которое было разрушено. Определенные элементы неформальной экономики являются ключевыми для формирования этого ощущения социальной несправедливости. Новые элиты, особенно экономические элиты, не являются легитимными. И как раз восстановление легитимности, или создание легитимности этих элит, я думаю, является очень важным элементом с точки зрения стабилизации уже установившегося социального порядка.

Олег ПАЧЕНКОВ: Мне кажется, помимо всякого рода социальных проблем, экономических потерь - исчисляемых, не исчисляемых - есть очень социологический ракурс. Он связан с вопросом: каким образом выстраивается стратегия основных участником неформальной экономики? И в этой связи из выступлений уважаемых участников круглого стола следует, что нет практически никаких оснований для того, чтобы предположить, что неформальная экономика (понимаемая как не фиксируемая и не регулируемая) может исчезнуть. В пользу такого вывода свидетельствуют как минимум три аргумента, взятые мной из выступлений. Первое: неформальная экономика есть во всех странах мира и это о чем-то говорит, прежде всего, о том, что трансформация тут не при чем, но не только об этом... Второе: неформальная экономика всем удобна - почему от нее надо отказываться?! Неудобства могут быть связаны с соотношением формальности/ неформальности - и это соотношение регулируется но взаимным договоренностям (или иначе), как мы видели в докладе Вадима Радаева. Третье: население к неформальной экономике привыкло, эти практики рутинизировались, без них тяжело. Надо заново придумывать, как решать возникающие проблемы; политикам нужен черный нал для выборов; бизнесу тоже представляется, что лучше иметь черный нал, чем его не иметь - им можно распорядиться по своему усмотрению; государственным служащим надо иметь возможность параллельною заработка, возможность влиять па ситуацию, наконец - иметь всегда «щель», пра-

вовой «зазор», в который попадает любой без исключения человек или предприятие и тем самым оказывается в полном распоряжении чиновника, который казнит или милует.

Так из чего следует, что неформальная экономика может, а тем более «должна» когда-нибудь исчезнуть? Если в этом никто не заинтересован, а напротив, все социальные акторы и силы заинтере' сованы в том, чтобы она продолжала существовать...